

СКОРОПОСТИЖНО УШЛА ИЗ ЖИЗНИ НАШ БЛИЗКИЙ БОЕВОЙ ТОВАРИЩ БОРИСЕНКО МАРИНА ВЛАДИМИРОВНА (29.01.1967 Г. - 28.03.2016 Г.)

28 марта в 2 часа ночи перестало биться сердце нашего дорогого товарища Марины Борисенко. Не верится, что мы больше не увидим ее сияющее оптимизмом лицо, не услышим ее звонкий голос. Многие люди, знавшие ее в различных местах, где кипит политическая жизнь, с удивлением воспринимали известие о смерти Марины.

Кажется, совсем недавно она наполняла наш мир оптимизмом, задором и энергией. Вроде бы небольшой промежуток отпустила ей жизнь, однако как многими делами она сумела наполнить этот небольшой промежуток.

- в 1992-1993 годах она принимала активное участие по защите завоеваний Советской Власти: в мае 1992 года участвовала в событиях на площади Гагарина; в марте, августе-сентябре 1993 года она активно участвовала в протестных акциях по защите Дома Советов РСФСР.

- она вступила в восстановленную коммунистическую партию КПРФ;
- училась и окончила партийную школу КПРФ;
- защитила диссертацию на звание Кандидат политологических наук;
- работала в МГК КПРФ;
- активно работала в Народно Патриотическом Союзе России;
- она очень серьезно была увлечена творчеством Владимира Высоцкого, даже была захвачена движением фанатов;

- длительное время она активно работала в изыскательской историко-археологической области. Вначале приняла участие в археологических экспедициях-походах на Кольский полуостров в поисках следов пропавшей цивилизации Гипербореи. А впоследствии она предпринимала попытки одиночных походов;

- в 2004 году Марина вошла в Московский Городской Комитет вновь образованной партии Всероссийская Коммунистическая Партия Будущего и активно работала в орготделе МГК партии;

- в 2010 году Марина перешла в ряды Движения «Суть времени» и активно в нем работала.

Во всей своей деятельности она проявляла незаурядные аналитические способности и неугасающее стремление в поисках загадок и парадоксов современного мира и древних веков. Марина не гнушалась черной рутинной работы. С ее легкой руки заработали несколько сайтов коммунистических партийных организаций. Народная мудрость гласит, что ценность кого-то или чего-то осознают, когда потеряют это. В лице Марины мы, ее близкие, потеряли чуткого и надежного друга, справедливого, по-детски ранимого и нежного человека.

Марина навсегда останется в нашей памяти и еще долго мы будем сверять свои намерения и действия по ней.

Пресс-центр Московского Городского Комитета
КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ КОММУНИСТЫ РОССИИ

P.S.

В завершение предлагаем вашему вниманию Рабочие записки участника Обороны Дома Советов РСФСР, написанные Мариной Борисенко.

1 мая 1993 года

Когда мы подошли к Октябрьской площади, где должна была начаться первомайская демонстрация, народ уже собрался. Скоро состоялось построение колонны, и она двинулась по Ленинскому проспекту. Когда хвост колонны обозначился и стал от нас удаляться, мы побежали догонять колонну.

Пока мы догоняли колонну, нас обошло подозрительно много машин и автобусов с милицией, и поступило сообщение, что сзади, на «Октябрьской», поставлены омовские кордоны. Путь к отступлению был перекрыт, оставался только один выход: идти вперед.

Мы идем вперед, к голове колонны. Попадают лужи крови. Когда мы подошли, столкновения были уже в самом разгаре. Две линии омовцев уже были прорваны, колонна стояла перед заграждением из автобусов и машин, а за ним шел бой. Я пытаюсь туда проникнуть, но мне это не удается. Приходится стоять, ждать. Время от времени появляются кто-то из наших, разгоряченные, потом снова скрываются за автобусами.

Раздался крик: «газы!». Толпа как-то машинально отхлынула немного назад. Вместе с ней и мы отступили шагов на десять, но потом остановились. Вроде ничего особенного не ощущаем. Но вот — почувствовали! До нас докатилась волна резкого запаха уксуса, но не более того. Мы отошли в скверик шагов на 5-10, достали носовые платки. Но волна прошла, видимо нам повезло, ветер переменялся и газ ушел от нас в другую сторону. Не осталось никаких неприятных ощущений. А тут нас решили полить. Поливали с навесом, через автобусы. Это приводит нас просто в восторг. Нам жарко, к тому же вода

окончательно уничтожила следы присутствия “газов” в воздухе. Это все вызвало не только у нас приступ энтузиазма, и столкновения возобновились.

Тут мы заметили ларёк, который одной стороной смотрит в парк, одной примыкает к дому, а третьей выходит на проспект. С него, по-видимому, видно, что происходит. На нем уже стоят несколько ребят. Недолго думая, взбираемся в момент на него, озираемся. Кое-что с него действительно было видно. Но мы не успеваем сориентироваться, как что-то такое происходит в воздухе. Я сначала ничего не понимаю. Наступает мёртвая тишина на несколько секунд, потом раздаются какие-то ритмические звуки, я не понимаю, что это такое, но на меня напозает какой-то интуитивный животный страх. Хочется спрятаться. Мы все прижимаемся к стене, но любопытство берет вверх, и мы, как испуганные котята выглядываем из-за стены, пытаюсь понять, что происходит, но в то же время стараемся особенно не высовываться, прячемся друг за друга. Наиболее сообразительные прыгают. Нас остается человек 5-6.

Наконец-то приходит понимание того, что происходит. Ритмические звуки - это удары дубинок о щиты (так поступали римские легионеры, чтобы нагнать страх на врага). И вообще омовцы их напоминают: те же длинные, во весь рост щиты, дубинки напоминают мечи, а главное тот же вид роботов, бессловесно исполняющих приказ. Омовцы плотно сомкнутыми рядами двинулись вперед, народ побежал. В ход пошли дубинки, кованные сапоги, щиты. Омовцы бьют тех, кто бежит медленнее, стариков. Бьют в первую очередь по голове и по ногам, по голени. Одного такого деда двое омовцев бьют метрах в двух от нас. У него голова вся в крови, а они продолжают бить. Потом один отходит, а другой в ярости, не может успокоиться, пинает ногами.

Через нас летят первые булыжники. Мы пока не обращаем внимания на это. У меня рука автоматически тянется за булыжником. Я ничего не соображаю, не знаю, хочу я кинуть или нет, но уже замахиваюсь. Но мою руку перехватывают: “Ты что, они нас убьют всех”. И правда, нам уже не уйти. Мы оказались в тылу у омовцев, отрезаны от своих. Омовцы злобно посматривают на нас, но не трогают, наверное у нас довольно испуганный вид.

Но вот у основной массы митингующих первый испуг уступил место справедливой ярости, праведной мести. Народ пошёл вперед, омовцы отступают. Мы снова оказались на линии огня, но уже по крупному. Хорошо, что на крыше оказались какие-то щиты, мы присели на корточки, прикрылись щитами, по ним тут же застучал град камней. Кидали с обеих сторон. На проспекте в это время шли настоящие гладиаторские бои с переменным успехом. Омовцы сидели в “черепахах”, заслонившись от камней щитами. Отдельные их представители сражались с нашими один на один. Иногда омовцы пытались идти вперед, но они каждый раз натывались на такое жесткое сопротивление, что были вынуждены отступать на исходные позиции. У меня было ощущение, что территория, на которой идет рукопашная схватка, расширяется.

К этому времени нас на крыше осталось трое. До нас дошло, что надо сматываться. Но это было не так-то просто. Мы находились под перекрестным обстрелом из камней, он не утихал. А когда утихал, вокруг нашей палатки начинали кружить омовцы, как волки в поисках добычи. Один раз к нам подбежал мужчина и хотел помочь нам слезть, так к нему тут же подскочил

омоновец и начал его избивать. Мы кричим: “Не бейте, он хотел нам помочь.” А он знай себе лупит.

Затем нам пришлось наглухо закрыться щитами, так как усилился каменный град. В этот момент в сторону демонстрантов ринулась пожарная машина, в ее лобовое стекло тут же полетел град камней, она резко развернулась и на полной скорости ринулась в нашем направлении. Но мы ещё не успели испугаться, как машина врезалась в столб, который стоял в двух метрах от нас, и задымилась.

Вскоре после этого, во время небольшого затишья нам удалось спрыгнуть с киоска и убежать в безопасное место. Стычки ещё продолжались. Диспозиция была примерно такая: было как бы две линии фронта: омоновская на том же месте, где стояли преграды из автобусов и машин, после этого примерно метров 50 была нейтральная зона, где в основном и шли столкновения. Далее шла линия демонстрантов.

Омоновцам не удалось разогнать демонстрацию! Практически это была победа! В первый раз они столкнулись с таким жёстким сопротивлением. И столкнувшись, отступили. Сбоку вдоль проспекта была зеленая зона, там начинался Нескучный сад. Здесь находилась часть демонстрантов, были развернуты пункты оказания первой медицинской помощи раненым и шла работа по сбору камней на случай новых атак омоновцев.

Тем временем наступило затишье. Вскоре начался митинг, выступали на нём в основном депутаты: Константинов, Бабурин, Астафьев и другие. В то же время начались переговоры с руководством омоновцев и было решено спокойно разойтись, чтобы сразу же собраться у Белого Дома.

Демонстранты построились в колонну и организованно промаршировали к метро обратным маршрутом. Шли мы как победители.

21 сентября 1993 года

Все лето была напряженная обстановка. Со дня на день мы ожидали каких-то грозных событий. И вот 21 сентября, днём, поступило сообщение, что сегодня ожидается ельцинский указ о разгоне Верховного Совета и приостановлении деятельности российской Конституции. Мы были к этому готовы. Такая информация появлялась не в первый раз за последние пару месяцев, но на этот раз она была подтверждена, когда в новостях РТР появился Ельцин и зачитал указ.

Я сразу же позвонила домой и на работу, сообщила, что произошло и сказала, чтобы меня там в ближайшие сутки не ждали. Затем мы провели ряд необходимых в такой ситуации мероприятий, собрались и поехали к Белому Дому. Настроение у нас было приподнятое, боевое. Мы были готовы ко всему.

Когда мы подъехали к Дому Советов, народу там было ещё не очень много, но с каждым часом подходило всё больше и больше людей. Мы развернули наши Андреевские флаги и стали занимать позиции для обороны. Участок, за оборону которого мы несли ответственность, находился ближе к правому углу здания, метров 15-20. В это время уже шло ночное заседание Верховного Совета, и оно транслировалось на улицу. Мы ждали нападения, но милиции в эту первую ночь

поблизости не было. Шли разговоры о выдаче оружия, шла запись в боевые отряды. Мы туда вошли сразу отдельной ротой. Ночь прошла в ожидании, но ничего особенного в эту ночь не произошло.

22 сентября 1993 года

Утро этого дня мы встретили стоя на своём посту. Конечно же, все устали, ведь ночь провели на ногах, да и погодка была не очень приветливая. Но было ясно, что в ближайшее время нападения не будет.

Продолжалось заседание Верховного Совета, днём и вечером проходили митинги. В течение всего дня продолжали подходить люди. По сравнению с предыдущим вечером их количество увеличилось раз в 10-20. К вечеру вся площадь была заполнена. Женщины приносили еду, теплую одежду. Строились первые баррикады. К вечеру площадь стала приобретать вид лагеря. Появились первые палатки. Структурирование лагеря происходило по партийному принципу.

Партийный и идеологический разброс был очень велик. Здесь присутствовали: баркашовцы, казаки, другие националистические и монархические организации, коммунисты всех оттенков, все партии, входящие в ФНС, многие партии социалистического, социал-демократического и общедемократического направления. Но, кроме того, было очень много людей, которые до этого не принадлежали ни к каким партиям. Многие люди, пришедшие сюда, были защитниками Белого Дома в августе 1991 года. Короче говоря, публика была самая разная. Конечно, людям, которые приходили сюда индивидуально, было очень сложно (мне пришлось испытать это на себе в июне 1992 года, в Останкино). Но часто они находили своё место в рядах защитников Белого Дома, хотя многие не находили применения своим силам и уходили домой.

Вторую ночь я провела на баррикаде у Горбатого моста. Команда, которая держала здесь оборону как раз состояла из людей, ранее не имевших никакого отношения к политическим партиям. Это были, как правило, молодые ребята двадцати-тридцати лет, которые исповедовали истинно демократические взгляды и считали, что Ельцин - преступник, что он совершил антизаконное деяние. Из оружия здесь было несколько бутылок с горючей смесью, ну и конечно - булыжники - орудие пролетариата, которому, как известно, нечего терять, кроме своих цепей. Кстати, недалеко от нашей баррикады стоял памятник героям Красной Пресни, и на него было водружено настоящее Красное знамя, не каменное, а настоящее, живое, развевающееся на ветру. И казалось, что герои Красной Пресни, застывшие в камне, тоже оживают и вместе с нами, стоят на наших хрупких баррикадах.

Тем временем мне объяснили мои обязанности: в случае наступления на нас пехоты обороняемся камнями, в случае наступления бронетехники - бутылками. (Это все было сказано с юмором, со смешком. Никто тогда всерьёз не думал, что нас будут брать именно бронетехникой, и ещё какой!).

Вообще народ собрался на редкость симпатичный, добрый и общительный. Ночь мы провели в основном под мостом. Там горел костер, лежали бревна, можно было отдохнуть, погреться, даже подремать. Погода в эту ночь была отвратительная: дождь со снегом, ледяной, порывистый ветер. В эту ночь в

первый раз было организовано питание: хлеб, колбаса, чай, сахар, табак. Выдавали всё поротно.

Среди ночи произошло одно событие, в общем-то, довольно весёлое, но симптоматичное. Было часа 2-3, мы сидели у костра, внизу, многие дремали. Вверху слышался шум. Последовала команда всем подняться наверх. Мы поднялись, построились. Перед нами стоял казачий атаман по фамилии Мороз. Он выглядел как казак с картинки, с шашкой и шпорами. Он приказал всем рассчитаться, потом стал нас муштровать: налево, направо, кругом, шагом марш. Потом он сказал, что проверяет посты и на посту нельзя спать, мол, обстановка тревожная. В самом деле, в этот день вокруг нас появилось милицейское оцепление. Но оно абсолютно не представляло для нас угрозы, просто жидкие цепочки из милиционеров. Они были не вооружены, даже без бронежилетов.

Вообще - на второй день мы чувствовали себя единым лагерем, который существовал как бы отдельно от всего остального мира. Здесь - свои, там - чужие. То пространство, которое находилось за милицейским оцеплением, было нам враждебным. Здесь - свои, там - враги. Началось противостояние. Если в первую ночь было что-то вроде обычного митинга или демонстрации, когда люди собрались, чтобы выразить какие-то свои требования, промаршировать и разойтись, то теперь было нечто другое. Люди пришли сюда, чтобы стоять до конца: или победить или погибнуть в бою.

23 сентября 1993 года

Этим утром я решила съездить домой. Погода была хорошей, настроение отличным. Было ясно, что предстоит долгое противостояние, и я решила съездить на пару часов домой, чтобы взять кое-что из одежды и паспорт. Я прошла через ряд строящихся баррикад по направлению к метро. Навстречу мне шел поток людей. Часть из них несли стройматериалы для баррикад, часть - были вновь прибывшие, третья часть были люди, ночующие дома, а утром приходящие сюда.

Дома я немного отдохнула, когда вернулась к Белому Дому, было уже часов 5-6 вечера. Я вернулась вовремя. Меня уже искали. Для нас оформили пропуска внутрь и вскоре я первый раз переступила порог здания Верховного Совета. Верховный Совет в то время имел весьма и весьма цивильный вид. Публика, сновавшая внутри здания, имела весьма холёный вид. В основном это были депутаты и сотрудники аппарата. Мы там чувствовали себя чужаками, пока... Не пройдет и пара дней, как всё изменится.

Через пару часов мы нашли, где нам обосноваться. Это был небольшой отсек на третьем этаже метров 10-15. С помощью несложных манипуляций мы сделали из него комнату. Это место стало нам родным домом вплоть до 4 октября. Кстати, 4 октября, именно это помещение было самым безопасным, если не считать самого зала. Окна здесь выходили во внутренний двор. Мы стали обустриваться.

24 сентября - 28 сентября 1993 года

Эти дни по отдельности я уже не помню, поэтому попробую описать их все вместе.

Это время я в основном проводила внутри здания. Особенно вечером старалась на улицу не выходить. Причина была в том, что у нас было отключено электричество. И вечером, в темноте, по спискам внутрь не пускали, так как плохо было видно. А я, уже избалованная ночевкой под крышей (хоть отопления и не было, но мне казалось, что было тепло), не очень хотела остаться ночевать на улице. Один раз так и случилось, пришлось ночь погулять. В другой раз, когда такое случилось, я просто съездила домой (в последний раз) - это было где-то числа 26-27 сентября.

Чем же мы там занимались? Наше подразделение называлось отдельной ротой подземной разведки. Иногда наши ребята выполняли какие-то поручения данной тематики. Я точно не знаю. Мне под землю спускаться не приходилось. В первые 2 дня я в основном дежурила по штабу, выполняла всякие мелкие поручения, патрулировала площадь вместе с нашими. Но вскоре для меня нашлось два дела, которыми занималась только я.

Сначала меня попросили помочь в подготовке документов для заседания Съезда. У них была большая проблема в связи с тем, что машинистки разбежались, к тому же, как я уже сказала, было отключено электричество и компьютеры с электрическими печатными машинками не работали, а на механической машинке никто работать не умел. Я им помогла, напечатала то, что надо было. Потом меня попросили подойти ещё раз, а потом они просто искали меня, когда им надо было что-то подготовить к заседанию. И ещё я работала на радиостанции. Я передавала в эфир различные Обращения, воззвания, заявления руководства Белого Дома. Это дело занимало у меня довольно много времени. Порой я там проводила целые сутки. Приходила спать часа в 3-4 ночи.

Кстати, о сне. Ночи в этот период года длинные, темнело рано. В 24.00 был отбой, в 8 утра подъём. Командир нашей роты пытался ввести у нас элементы казармы. Но нашим людям это не очень нравилось. Ведь все сюда пришли добровольно, по зову души, никто никого силком не стогнял.

Вечером в коридорах здания стоял полный мрак. Люди ходили с фонариками и свечами в руках. Я же чувствовала себя коренным жителем этих стен, и в буквальном смысле на ощупь знала каждый метр, каждый столб, каждую дверь, поэтому в любое время суток могла передвигаться бегом в любом направлении. Вообще-то ночи были тревожные, спали мы мало, постоянно, практически каждую ночь были тревоги, когда замечались какие-либо передвижения в рядах милицейских кордонов вокруг нас. Каждую ночь кто-то из нас дежурил, то есть не спал, нёс караул. В результате мы спали часа по три-четыре. Но днём спать не хотелось.

Теперь немного о том, как было организовано наше питание. Питались мы хорошо. У нас было трехразовое питание в столовой, по талонам. А столовая представляла из себя замечательное зрелище, особенно по вечерам. Это было большое помещение, одна из стен которого была зеркальной. Освещался зал свечами. На каждом столе стояло по 2-4 подсвечника, в зависимости от размеров стола. Все это отражалось в зеркалах, и зал, соответственно, увеличивался. В

результате получалась таинственная, почти волшебная картина. Но это был только антураж. А самое прекрасное - это были люди. Надо отметить, что это были вооруженные люди, люди с автоматами. К этому времени из здания как волной смыло холёных молодых людей в модных костюмчиках. Даже у депутатов и оставшихся сотрудников аппарата Верховного Совета вид был примерно такой же, как и у нас: усталый, немного помятый, но дерзкий.

Я лично в те дни ощущала себя самым счастливым человеком на свете, потому что я была с людьми, которые сумели найти в себе силы, чтобы бросить вызов наглому общественному мнению всего мира и уже в этом была наша огромная победа. Мы, практически безоружные (потому что несколько десятков автоматов нельзя считать серьёзным оружием, когда против тебя стоит вооруженный до зубов полицейский аппарат целого государства), смогли дать достойный ответ на вызов хама и наглеца, называющего себя президентом и считающего, что ему всё дозволено. И, кроме того, мы показали всему миру, что Россия остается такой же таинственной, непонятной и непредсказуемой для Запада страной, какой она была и 70, и 170 и 700 лет назад.

Я тут, правда, немного отвлеклась от нашей замечательной столовой. Завтраки, обеды и ужины проходили в строго определенное время, иногда в одну, иногда в 2 смены. Поэтому народу было много. Особо обращала на себя внимание форма одежды. Какой формы здесь только не было: и баркашовцы в черном, и казаки в папахах, с шашками, бородами, нагайками и звенящими шпорами (и автоматами конечно), и приднестровские ополченцы, и опальные омовцы - рижские, вильнюсские и другие, и охрана руководства Белого Дома - как правило, в форме ВДВ или морской пехоты. К этому надо добавить огромное количество телекамер с зажжёнными фонарями и прочими осветительными приборами. Порой было ощущение, что ты присутствуешь не на скромном ужине в опальном Верховном Совете, а на официальном приёме в Кремле, на который сбежались все отечественные и зарубежные средства массовой информации.

Вообще в эти дни в Белом Доме и вокруг него, но я могу судить в основном о том, что было внутри, так как основную часть времени я проводила именно там, царил строгий порядок, все занимались своими делами, никто не шатался без дела, кроме вездесущих и так надоевших нам журналистов. На баррикадах дежурили посменно, вторая смена в это время отсыпалась. Всем выдали противогазы, и мы их никогда не снимали. Я лично не снимала его даже ночью, он ко мне прирос, я не сняла его даже тогда, когда надо было бы это сделать. Вообще, с каждым днём наша жизнь все больше становилась похожей на жизнь воинской части. У нас проводились военные парады, занятия по противогазу, по рукопашному бою и один раз по сборке и разборке автомата. Занятия по рукопашке заключались в следующем: нам выдали железные шесты (которыми раньше крепились ковры на лестницах, которые уже были использованы вместо матрасов) и с их помощью нас обучали приемам штыковой атаки. Правда, специфика была в том, что нас учили борьбе с омовцами в бронежилетах и с дубинкою в руках. Особое внимание уделялось тому, чтобы оглушить противника и обезвредить, но не в коем случае не убить его и не покалечить. Наивное наше руководство всерьёз считало, что нам придется иметь дело с дубинками.

У нас были прекрасные женщины. Они по несколько раз в день занимались чисто женским занятием: агитацией среди милиции, которая нас окружала.

Ходила и я с ними несколько раз. Выглядело это примерно так: несколько женщин подходили к милицейскому кордону в первые дни вплотную, потом настолько, насколько подпускали, и в мегафон начинали объяснять этим ребятам, которых сюда согнали, что здесь находятся их жены, сёстры, братья и отцы, а не бандиты и фашисты (как утверждали СМИ). И это имело свои результаты! Практически каждый день приходилось менять личный состав этих кордонов. Я была свидетелем того, как во время обхода постов к Ачалову с Макашовым подошел полковник МВД с просьбой, чтобы эта агитация была прекращена, так как невозможно работать с личным составом. Вообще в тот период милиция была настроена по отношению к нам, можно сказать, даже доброжелательно, во всяком случае, спокойно и без злобы. Все проходы к нам были свободны, ещё всех впускали и всех выпускали. Правда, амуниция их уже изменилась, они были в бронежилетах, касках и со щитами, и количество их стало постепенно увеличиваться.

Кольцо вокруг нас стало сжиматься.

29 сентября - 2 октября 1993 года

Кольцо вокруг нас сжималось все плотнее. Появилась колючая проволока, спираль Бруно, запрещённая к применению международной конвенцией ООН. И вот мы оказались в кольце. Тем, кто пытался выйти, приходилось проходить через допросы в отделении милиции. Те же, кто пытался войти, наткнулись на колючую проволоку и омовские дубинки. Милиция зверела на глазах. Начались стычки в районе станции «Баррикадная», где людей избивали даже в метро.

Обо всем этом мы узнавали от людей, которым чудом удалось к нам пройти. Но с каждым днем таких людей становилось всё меньше и меньше. Правда, всё равно оставались тайные тропы, подземные ходы, но они были известны узкому кругу лиц.

У нас, внутри, жизнь шла своим чередом. Каждый вечер проходили митинги, на которых сообщалась последняя информация. Правда, народу было намного меньше, чем в первую неделю, зато уже совсем не было праздно шатающихся. Мы прекрасно понимали, что такие жестокие действия со стороны власти предрешающих - это свидетельство их слабости и бессилия, и это означает, что теперь они пойдут на всё, чтобы нас уничтожить.

В это время нас стали подвергать психологической обработке. Со стороны Мэрии стоял жёлтый милицейский газик* (*Марина Владимировна, будучи совершенно мирной женщиной, неточно обозначила применённую против нас милицейскую спецтехнику. На самом деле это был не обыкновенный «газик», а колёсный бронетранспортёр (БТР) специального назначения, имевший, по некоторым данным, помимо обычной громкоговорящей звуковой установки ещё и психогенератор, то есть волновое устройство для наведения паники — прим. администрации сайта*) прозванный у нас «жёлтый Геббельс», и из него круглосуточно неслись призывы к нам сдаваться, вперемешку с песнями типа «Путаны» Газманова и каких-то песенок Маши Распутиной. Ну, это вообще напоминало кадры из фильмов про Великую Отечественную войну, сцену 1941-го года, когда окружённых фашистами советских солдат пытались принудить сдать

таким же способом. И кто только до такого додумался? У меня лично это вызывало только смех, у других озлобление, но о случаях сдачи я что-то не слышала.

Сказалась блокада и на нашем рационе питания. Он стал весьма однообразен. На завтрак, обед и ужин несколько дней подряд нам давали по 2 бутерброда с варёной колбасой и 2 бутерброда с сыром и холодный напиток. Правда, можно было брать всё это в неограниченном количестве, но особого желания не было.

В эти дни практически каждый день проходили пресс-конференции: Хасбулатова, Руцкого, Ачалова, Макашова и других.

Больше ничего примечательного в эти дни мне не запомнилось.

Просто каждый прожитый нами день воспринимался как ещё одна победа, а вернее прожитая ночь. Потому что нападения ждали ночью.

3 октября 1993 года

Этот день, как и предыдущие, начался с той радостной мысли, что мы ещё живы, нас ещё не взяли. Ходили слухи о вчерашних боях в Москве, о том, что ОМОН применил огнестрельное оружие, но точно ничего не было известно. Днём, где-то около 14.00, когда стояла тишина и мы находились в некоторой спячке, вдруг по коридору как будто пронёсся свежий ветер, постепенно перешедший в ураган и всех, как будто, подкинуло этим ветром, сорвало с мест и понесло к балкону, к окнам, на улицу. И вот до нас донеслись восторженные крики: «Прорыв! Прорвали! Победа!»

Я вышла на балкон. Ещё ничего не было видно, но был слышен нарастающий гул криков большого скопления людей. И вот на горизонте показалось огромное количество людей, бегом, устремлённые к нам. Милицейские кордоны рассыпались и куда-то исчезли. Только около мэрии наблюдались беспорядочные передвижения милиции. И вот раздалось несколько длинных пулеметных очередей. На мгновенье наступила тишина, а потом она взорвалась криками гнева и возмущения: «Они стреляют! Гады! Сволочи! Стреляют!»

И вот площадь перед Белым Домом стала заполняться огромным количеством людей. В первых рядах шли бойцы прорыва. Именно им пришлось прорывать все кордоны, которые были на их пути. Это были окровавленные, наспех и чем попало перевязанные люди, иногда с боевыми трофеями в руках. Некоторые из них были полностью экипированы: в бронежилетах, касках, с дубинками и щитами. На их лицах были слезы и восторг, выражения счастья, боли и гнева. Они целовали землю, стены, скандировали: «Руц-кой, Хас-бу-ла-тов, Власть Со-ве-там, По-бе-да» и что-то ещё.

Вскоре площадь, которая ещё за 20 минут до этого была почти пустой, была абсолютно вся заполнена. Милицию всю вокруг Белого Дома как ветром сдуло, не осталось ни одного кордона. Стали подходить люди, которые находились дома, но, услышав про прорыв, приехали сюда.

Как только площадь заполнилась людьми, на ней начался митинг. Вскоре на балкон вышли Руцкой и Хасбулатов. Они произнесли гневные речи в адрес

Ельцина. Затем они спустились вниз, к людям. Народ скандировал: «На мэрию! На Останкино! На Кремль!» И тогда Руцкой дал команду штурмовать мэрию.

Люди рванулись на штурм. Со стороны мэрии раздались 2 бестолковые очереди и затем вся милиция сдалась. Ну, просто какой-то маразм.

Я же, как стояла на балконе, так и стояла всё это время, и потом ещё несколько часов. Я даже не знаю, почему. В тот момент я как будто бы забыла, что я здесь нахожусь, что я могу спуститься вниз и принять во всем участие. Нет! Я просто стояла как зачарованная и никакая сила не могла заставить меня сдвинуться с места. У меня не было ощущения реальности, я боялась, что если я сдвинусь с места, то вся эта картина грандиозных событий, происходящих на моих глазах, рассыплется, разобьётся вдребезги. И в то же время у меня было оглушающее чувство реальности. И здесь во мне боролись два противоположных ощущения. С одной стороны ощущение полной победы и бешеный восторг в связи с этим. И с другой стороны смутное предчувствие, что добром это не кончится.

Тем временем на площадь вернулись наши бойцы, штурмовавшие мэрию, и опьянённые лёгкой победой, стали требовать штурма Останкино и Кремля. Площадь в это время была заполнена трофеями: милицейскими автобусами и машинами различной конфигурации.

Вскоре первые автобусы и грузовики двинулись на Останкино. Надвигался вечер. Я наконец-то вышла из оцепенения и спустилась вниз, на улицу. Решила позвонить домой, сообщить, что со мной всё в порядке. Чтобы найти работающий телефон, мне пришлось дойти до Маяковки. Позвонила, сказала, что мы победили и двинулась обратно. Темнело. Вокруг меня бушевал обычный московский вечер. Горящие рекламы, разодетая молодежь с банками пива в руках. Как будто и не было войны. А война уже во всю пожинала свои страшные плоды. Я об этом ещё тогда не знала. Но я чувствовала себя здесь, как в тылу врага. Здесь было всё вражеское, чужое. И мне казалось, что на меня все как-то косо посматривают. Что же такое на мне не так? Автомата вроде нет. Ну, вид чумазый и помятый. Но это ещё не показатель. Ах да, противогаз. Ну да, он, родной, на мне. Я двинулась домой, к Белому Дому и заблудилась. Пришлось доехать на метро.

После прорыва нам почему-то включили электричество. И вот на моих глазах окна Белого Дома стали тухнуть, и он погрузился во мрак. Зловещее предзнаменование!

Когда я уходила, на площади царили бурное оживление, радость победы и ожидание скорого полного триумфа.

Теперь же нет. То ощущение, которое витало над всеми нами во время моего возвращения, можно назвать предчувствием конца. Уже поступили первые отрывочные сведения от немногих, вернувшихся из Останкино, что там идёт страшный бой, настоящая бойня, сотни трупов, тысячи раненных. Ещё отправлялись туда машины с бойцами, но люди осознавали, что едут на смерть и всё равно ехали. Не хотелось во всё это верить, и мы не верили, но настроение у всех впервые за всё это время было подавленное, мрачное. Часам к 10 вечера площадь опустела, Белый Дом тоже почти вымер. Приближалась жуткая ночь. Сообщения оттуда поступали одно страшнее другого, обрастая жуткими подробностями. Те немногие, кто остался здесь, были заняты укреплением баррикад, подготовкой к последней обороне. Где-то около 12 часов ночи

поступило сообщение, что в Останкино всё закончилось. Около часу ночи как по команде смыло всех журналистов. Наступила мрачная, зловещая ночь. Мы все понимали, что это наша последняя ночь в этих стенах, но у нас не было уверенности, что мы доживём до утра. Наши почти все были на строительстве баррикад. Ждали ночного штурма. Я легла спать часа в три, но не спалось. Заснуть удалось под утро.

4 октября 1993 года

В это утро я проснулась от звука отдалённых очередей. Не сразу вспомнила, где я нахожусь. Потом всё стало на свои места. Настроение было гораздо лучше, чем накануне ночью. Особой радости, конечно, не было, но было ясно, что скоро всё закончится.

Мы все вскочили и выбежали к окну. Через некоторое время показались идущие друг за другом бэтээры. Они шли с интервалом в 10-15 метров. Шли вдоль нашей стены, крушили и давили все, что попадалось им по дороге, особенно старались проутюжить баррикады, палатки и людей. Огонь из всех пулеметов и автоматов они вели в основном по окнам 1 и 2 этажа. Люди с баррикад в основном ушли внутрь. Только несколько парней остались внизу с бутылками-зажигалками в руках. Они пытались поджечь бэтээры, кидали бутылку за бутылкой, но тщетно. Не горели бутылки. Наверное, они погибли. Я точно не знаю. Нам скоро пришлось уйти от окон, так как по ним стали вести огонь снайперы.

Мы вернулись к себе и вскоре по внутреннему радио поступила команда всем собраться в зале Совета национальностей, который находился около нашей комнаты. Мы взяли наши вещи и отправились туда. Зал постепенно наполнялся. Скоро он был набит битком. Сюда пришли практически все, кто находился внутри здания, кроме тех, кто стоял на постах. Началось нечто среднее между митингом и заседанием Съезда. Сначала выступали депутаты, потом все, кому не лень. Иногда давалась какая-то отрывочная информация, но было ясно, что полной информацией здесь никто не обладает. То, что здание окружено войсками и нас обстреливают, это и так было известно. Даже сюда в зал доносилась все усиливающаяся канонада. Грохот усиливался из-за шума падающих с башни стекол.

Меня с того момента, когда я проснулась, и в течение всего дня мучил только один вопрос: где наши ребята, которые оставались на улице, на баррикаде. Может быть, благодаря этому, в эти часы у меня ни разу не возникла мысль, что и моей жизни может что-то угрожать. Как и третьего октября, сейчас тоже было ощущение нереальности, театральности происходящего. Только на этот раз я не могла усидеть на одном месте больше 15-ти минут, бегала по всему зданию в поисках наших. Пока бегала, несколько раз попадала под сильный автоматно-пулеметный огонь, но мне почему-то везло. Один раз оказалась на 2-м этаже, около исковерканного уже балкона, где висел наш Андреевский флаг, а всё остальное было превращено в металлолом. Там меня спасли только мощные столбы. И вот что интересно. Как только начинают свистеть пули, сразу же появляется чувство реальности, сразу понимаешь, что тебе надо делать, чтобы

выжить. Но страха почему-то не было. Наоборот: просто сплошная радость. Время растягивается, каждую пулю чувствуешь. Вот пуля пролетела - и мимо. Ты ещё жив. И так после каждой. Чувство радости, счастья, облегчения. Правда, долго радоваться не приходилось. Надо было менять позиции. И вообще, зачем подолгу испытывать судьбу? Надо было сматываться. Что я и сделала.

Прибежала в зал, отдохнуть, отдышаться. Там люди пытаются поддержать себя с помощью исполнения песен и стихов. Но атмосфера гнетущая. Просто люди сидят и ждут. Успокаивают друг друга и с трибуны, и так, но это мало помогает. По мне - так уж лучше под пулями побегать - всё веселее. А тут ещё новая напасть свалилась на мою голову. Вроде как приехал Кирсан Илюмжинов и хочет вывести женщин и детей. И моему руководству захотелось, чтобы я ушла в этой кампании. Сижу, обдумываю, как бы мне этого избежать. Придумала. Пойду-ка я погуляю с часик. За это время, глядишь, их уже выведут. Так я и сделала.

Прошла через буфет. Время было около 2 часов дня. Осторожно гляжу в окно. Там тишина. Бэтээры уже не ходят. На улице лежат немногочисленные трупы и то, что осталось от баррикад. Заглядываю в столовую, там госпиталь. Иду по коридору, ведущему к окнам, выходящим в сторону мэрии. Вообще люди встречаются очень редко. Здесь же стоят 3-4 казака с автоматами. Один из них со снайперской винтовкой, изредка отвечает кому-то. Кругом стоит поразительная тишина. Только редкие выстрелы из танков по башне, да как-бы в ответ звук падающих стекол. Я оглядываюсь. Кругом русские, родные, бородатые лица. Они мне советуют особенно не высовываться в окно, тишина обманчива. Вообще этому углу здания здорово досталось (потом здесь всё выгорело). Стекла давно выбиты, жалюзи в узел, переборки ближайших комнат снесены, содержимое комнаты у окна порублено пулями и измолото в крошку. Кажется здесь был уголок агитатора, я туда заходила пару раз по каким-то делам.

Итак, я стояла и глядела в окно. На улице было много бронетехники и солдат. Но вот началась пальба. И что интересно, именно в наше окно. Откуда стреляют, было непонятно. Скорее всего, из мэрии. Укрытий здесь никаких не было. Я, было, залезла в угол, правда толку от него особенно не было (так, переборка между окнами сантиметров в 20). Меня прикрыл своим телом один из казаков, сам при этом практически полностью подставляясь. Тут всё время крутился американец, журналист с фотоаппаратом. Как только засвистели пули, он кинулся к окну, снимать. Очередь хлестнула его по челюсти. Он упал, потом вскочил, залился кровью. Его унесли.

Нам тоже пришлось залечь. Огонь всё усиливался. Пора уходить. Но тот коридор, по которому я сюда пришла, простреливался насквозь. Не успеешь добежать. Я бегом добралась до бокового коридора и решила там пока погулять, пока здесь не утихнет стрельба. Там мне не встретилось ни одного человека. Здесь сейчас не стреляли. Тянулся ряд кабинетов. Некоторые двери были выбиты, некоторые закрыты на замок, но сбиты с петель. В кабинетах местами были почти целые стёкла (видно эту сторону здания не очень обстреливали), но с пулевыми отверстиями. Стояла мёртвая, расстрелянная техника: компьютеры, простреленные насквозь. И им тоже досталось.

Я выглянула в окно. Там бушевала толпа молодежи с банками пива и ломami или цепями в руках. Они жаждали расправы над нами. Увидев меня, стали выкрикивать: «Давай прыгай к нам!» И дальше какие-то гадости. Я отошла от

окна. Пошла обратно и возвратилась в зал. Там, в общем-то, всё было по-прежнему. Только людей стало больше в самом зале и вокруг него. Но вскоре наступила развязка.

Вошел офицер из «Альфы» и сообщил, что им дана команда на наше уничтожение, но им не хотелось бы проливать нашу кровь. Он предложил, чтобы мы под их охраной вышли из здания, после чего нас на автобусе доставят к метро. Делать было нечего. Руководство дало согласие. Когда поступила команда на выход из зала, стал выступать Хасбулатов. Больше всего в его выступлении мне запомнилось, что он у всех попросил прощения. Бойцы из «Альфы» (кстати, они были похожи на рыцарей из прошлого и на космических рейнджеров из будущего одновременно, все в броне, обвешанные со всех сторон каким-то фантастическим оружием), так вот они обращались с нами очень вежливо, на «вы». Меня даже не обыскали при выходе из зала. Мы вышли из зала, пошли в сторону парадного входа. На полу валялись горы автоматов и прочей амуниции. Мы выходили из здания. Прошли через бывший некогда роскошный хрустальный (или зеркальный) зал для приемов. Весь хрусталь и все зеркала были у нас под ногами в виде белой блестящей крошки.

И вот мы на улице. В нос бьет запах гари. Спускаюсь по лестнице, прохожу сквозь строй бойцов «Альфы». Они все время с опаской поглядывают наверх и подгоняют нас, чтобы мы быстрее спускались с лестницы вниз. Сверху летят какие-то здоровые, ярко горящие куски. Когда уже спустились, я оглянулась. Башня Белого Дома горит. Горят 3-4 окна в трёх этажах, но пламя расплзается дальше, захватывая новые окна. Время от времени бухают пушки танков. Вообще всё выглядит как-то странно, нелепо и глупо. На лестнице и снизу стоим мы, те, кто вышли. Вокруг нас «Альфа». Вдоль набережной в два ряда стоят танки. Спокойно так стоят, экипажи сидят на броне, покуривают, со скучающим видом наблюдают за нами. Но время от времени какой-то из танков выплевывает снаряд в сторону башни. Зачем? Там явно никого нет. Разве что для того, чтобы горело лучше. На мосту скучающие, глазающие на нас толпы. Но мне лично они совершенно безразличны.

Но вот откуда-то со стороны Калининского проспекта послышался нарастающий гул толпы. Там дорогу им преградили омовцы. Послышался звук, похожий на треск автоматных очередей и всё затихло. Что это было? Кто это был? Осталось непонятным. Я стояла в самом низу лестницы, и тупо наблюдала за всем, что происходит вокруг. В голове не было никаких мыслей. Пожалуй, в первый раз за все эти дни навалилась какая-то дикая усталость. Найти наших ребят мне не удалось и теперь у меня для этого не было никаких возможностей. Было ясно, что либо они погибли, либо на воле, либо арестованы. Самые грустные мысли на эту тему я отгоняла от себя, старалась надеяться на лучшее. Было только одно желание, одна мечта: скорее бы всё это кончилось. Мне даже в тот момент было всё равно, попаду ли я в ближайшем будущем домой или в тюрьму. Лишь бы всё закончилось.

Но до конца было ещё далеко. Сначала нам обещали, что придёт автобус и отвезёт нас куда-то. Потом сказали, что он задерживается, не может к нам проехать. Так в ожидании мы стояли час, другой, третий. Стало темнеть. Где-то вверху усилилась стрельба. Я посмотрела наверх и на какое-то время забыла, где я нахожусь, до того меня поразила красота того, что я увидела. В темно-голубом

небе бегали красные и зеленые струйки, они разбегались, сбегались, разлетались веером, переплетались, образуя причудливые фигурки. Это было просто изумительно. Потом они стали приближаться к нам. И тут до моего уха донеслось: «Это же в нас стреляют!». Я вернулась на грешную землю и услышала свист пуль, что свидетельствовало: да, стреляли именно в нас. Стреляли, кажется, из мэрии. Все кинулись за автобус, потом за парапет лестницы. Ребята из «Альфы» открыли ответный огонь. Через некоторое время они сказали: «Автобуса не будет. Идите так». И они повели нас вперёд, вдоль набережной. Затем мы зашли в какой-то магазин. Мне почему-то запомнились болтающиеся там галстуки. Этот магазин мы прошли насквозь и оказались в каком-то внутреннем дворе. Прошли вдоль стены несколько десятков метров и нас ввели в какой-то подъезд. Там была дверь налево и после неё вверх вела лестница. Здесь «Альфа» нас оставила, а вверху нас уже поджидал ОМОН. Сверху слышались крики, ругательства, стоны. Мне лично идти туда не захотелось. Кто-то крикнул: «Вы что, бить нас будете?» На это ему ответили: «А ты как думал?»

Я и ещё человек 15 отступили обратно, затем вышли на улицу. Началась стрельба, мы куда-то бежали, прятались за укрытиями, опять бежали. Уже совсем стемнело. Мне показалось, что пока бежали, мы потеряли ориентацию - во всяком случае, я совершенно не представляла, где мы находимся. Но вот показалась какая-то растительность. На какой-то миг показалось, что мы вырвались, что Белый Дом, стрельба и подъезды со свирепыми омовцами остались позади.

И вдруг: «Стой! Кто идет? На землю!» И очередь над головой. Потом: «Сюда бегом, быстро!» И мы увидели перед собой старый кирпичный забор и торчащие над ним дула автоматов и каски омовцев. Мы подбежали к забору, нас стали хватать за шиворот: «Давайте лезьте, быстрее». Мы перелезли через забор и оказались в своеобразном загоне. С трех сторон был кирпичный забор, и всё это было заполнено омовцами. Нас стали допрашивать.

Омовцев хватало на всех. Мне тоже один достался: молодой, но злой. Он меня толкнул к стене: «Лицом к стене! Ноги шире! Руки на стену!» Обыскал, но искал оружие, поэтому карманы не выворачивал. Потом стал допрашивать: «Откуда идешь?» - Молчу. - «Откуда, сука!» - «Оттуда!» - «Откуда оттуда?» - Отвечаю зло: «Из Белого Дома». Это его разозлило ещё больше. Он кинулся в сторону: «Сержант, эта сучка говорит, что она из Белого Дома. Куда её?» Тот в ответ лишь устало махнул рукой. Омовец вернулся ко мне: «Чего у тебя тут?» Это он про мой рюкзак. Он у меня битком наполнен. Чего там, я даже не знаю. Кажется какое-то партийное имущество. Омовец стал вытаскивать содержимое из рюкзака и бросать всё на землю. Ему попадают какие-то бумаги. Он не разглядывая, кидает всё на землю, приговаривая: «Мародерничаем...» Я молчу. Но тут он достал Андреевский флаг, просто обалдел, посмотрел на меня изумленно, произнес: «Флаг Андреевский...». Дальше он действовал молча. На этом первый допрос и обыск закончился. Нас, всех стоявших у стенки, собрали и прикладами погнало вперед.

В итоге мы оказались у другой стены, где стоял другой отряд омовцев. Все повторилось сначала: «Лицом к стене! Руки на стену! Ноги шире! Кто? Откуда?» Меня первые 10 минут не трогали, но зато очень даже трогали стоящих со мной бок о бок. Били их, мягко говоря, немилосердно. Мужчин били так: удар

со всего размаха ногой в пах, потом прикладом автомата по шее, потом уже лежащих били ногами, стараясь попасть в живот, по ребрам, по голове.

Ну, вот дошла очередь и до меня. Стали допрашивать. В этот самый момент я вспомнила, что:

1. У меня противогаз.
2. В карманах брюк у меня кипы талонов на питание для защитников Дома Совета.
3. В каком-то кармане у меня список нашей роты, где напротив моей фамилии значится слово «снайпер».

И вот начался допрос: «Кто? Откуда?» Я молчу. Молчу, потому что просто не успеваю ничего сообразить. С одной стороны врать не хочется, с другой стороны, я думаю, как бы сделать так, чтобы они не нашли то, что у меня в карманах. Потому что если найдут, то расстрел на месте будет для меня наилучшим исходом. Омоновец требует у меня паспорт. Я показываю. Но мне повезло. Омоновец попался совсем молоденький и ужасно напуганный. Он увидел у меня противогаз и испугался так, как будто он был на моём месте. Кажется, он боится, что кто-то из начальства увидит. Он лихорадочно начинает сдирать с меня противогаз, а он никак, он у меня одет под курткой. Мы с ним кажется, понимаем друг друга, я ему помогаю. Ну вот, противогаз вместе с рюкзаком втоптаны в грязь. О чудо! Он меня больше не обыскивает. Отодвигает меня от стены в сторону.

Тут я встречаюсь с одной знакомой девушкой. Мы с ней вместе выходили из Белого Дома, но потом потерялись. Мы ужасно рады, стоим вдвоём, тихонько переговариваемся. Придумываем версию, что мы здесь с ней случайно, ищем отца. Тут подскакивает омоновец: «Разговорчики! Руки за голову!» И со всей силы ударяет девушку. Потом до него дошло, что перед ним девушки. Он даже испугался: «Ой, девчонка! Вы что тут делаете? Как сюда попали, девчата?» Мы рассказываем ему только что придуманную историю. Парень с нами разговорился, сказал, что у него сегодня день рождения, 19 лет исполнилось, а он вынужден его вот так встречать. Мы его поздравили. Минут через 15 он наконец-то догадался разрешить нам опустить руки. Потом отвёл нас в сторону и показал, в какую сторону нам надо идти, чтобы добраться до метро.

Мы пошли. Минут 40 мы проходили мимо стоявших в 2 ряда машин с омоновцами, танками, бэтээрами.

Как только они скрылись в темноте, я стала вытаскивать из карманов опасные бумажки и рвать их. И вовремя. Скоро мы напоролась на очередную засаду. Там мы рассказали новую легенду о том, что мы идём от подружки с дня рождения, которая живёт вон в том доме, а о том, что в Москве делается, мы не знали. Омоновцы сделали вид, что поверили, но ещё около часа продержали, потом отпустили нас под нашу ответственность: мол, если убьют, сами будете виноваты. Все говорили про каких-то чеченских снайперов, которые засели на крышах. В общем, они сами были здорово напуганы, отсюда и злость.

Через некоторое время мы благополучно дошли до метро и поехали домой.

Борисенко Марина Владимировна